

ОШО

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО

КОММЕНТАРИИ К ЕВАНГЕЛИЮ ОТ ФОМЫ

ОСНО

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО

КОММЕНТАРИИ К ЕВАНГЕЛИЮ ОТ ФОМЫ

«СОЛАР»

2 0 1 0

УДК 229.8
ББК 86.37
О-96

Перевод с английского Кирилла Семенова

О-96 ОШО

Горчичное зерно. Комментарии к пятому Евангелию от св.Фомы /
Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2010. — 464 с.

ISBN 978-5-399-00015-2

«Горчичное зерно» — толкование Евангелия от Фомы, и перед вами — самая удивительная книга из всех книг о Христе...

«Горчичное зерно» — вовсе не милая евангельская история. На этих страницах посеяны горчичные зерна радикальной и необратимой революции, остается только заметить их ростки. Иначе с нами может произойти то же самое, что случилось, похоже, с первыми учениками Иисуса, которые превратили его слова в оправдание собственного невежества и источник кажущегося утешения — и тем самым утратили чудесную возможность пойти вслед за Учителем.

УДК 229.8

ББК 86.37

Copyright © 1975 by Osho International Foundation, Switzerland,

www.osho.com/copyrights

All rights reserved

Originally English title: The Mustard Seed

(Commentaries on the Fifth Gospel of Saint Thomas), Osho

Ошо — зарегистрированная марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн.

Информацию можно получить на сайте osho.com/trademark.

www.osho.com

Osho International,

oshointernational@oshointernational.com,

www.osho.com/oshointernational

Очень подробная Интернет-страничка: несколько рабочих языков, возможность совершить виртуальное путешествие на Медитационный Курорт, информация о проводимых на Курорте мероприятиях.

КАТАЛОГ КНИГ И КАССЕТ, ДАННЫЕ ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ЦЕНТРАХ ОШО В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА, ИЗБРАННЫЕ БЕСЕДЫ ОШО.

ISBN 978-5-399-00015-2

© «София», 2007

© Издательство «София», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Горчичное зерно	11
Глава 2. Иисус абсолютно парадоксален!	33
Глава 3. Чудо из чудес	57
Глава 4. Не заботьтесь	79
Глава 5. Самые странные слова	97
Глава 6. Нелепо! Не верится!	119
Глава 7. Сокровище, которое не гибнет	141
Глава 8. Сделать двоих одним	159
Глава 9. Что с моей женой?	181
Глава 10. Просто радуйся!	201
Глава 11. Выбирай вечное	219
Глава 12. Выходи — я что-то покажу!	243
Глава 13. Тайна, известная всем	269
Глава 14. Торопись без суеты	291
Глава 15. Воспевший вечное	311

Глава 16. Проверь на деле	333
Глава 17. Движение и покой	355
Глава 18. Опасные воды	377
Глава 19. Бог — не выгодная сделка	395
Глава 20. Разум пьян	413
Глава 21. Стань садовником	435
Об авторе	457
Международный центр медитаций ОШО	461

Отношения между людьми очень изменились — и изменились к худшему. Пропала глубина: жена — уже не жена, а просто подруга; муж — уже не муж, а просто приятель. Дружба — это очень хорошо, но в ней нет глубины, а брак — явление глубокое. Это глубокая самоотдача, но если ничем не жертвуешь, то остаешься на мели. Если ничем не жертвуешь, далеко не прыгнешь. Можно барахтаться на поверхности, но в глубину не нырнешь.

Конечно, нырять вглубь опасно. Так и должно быть, ведь на мелководье все очень просто. Тут можно вести себя как робот и не нужно ничего сознавать. Но чем глубже, тем важнее быть начеку, потому что всюду подстерегает смерть. Боязнь глубины сделала наши отношения мелкими, как детский бассейн-«лягушатник».

Приятель или подруга — это, конечно, здорово, но им никогда не увести в те глубины, что скрыты в каждом из нас. С подругой может быть секс, но любви не будет. Любовь пускает корни в глубине. На мелководье возможен только секс, но секс — это чувство животное, биологическое. Секс прекрасен, когда является частью глубокой любви, иначе же он просто отвратителен. Секс без любви уродлив, потому что людей ничего не связывает: они просто прикасаются друг к другу и быстро расходятся. Соединяются только тела, но не душа — не я, не ты. Вот что случилось со всеми отношениями между людьми.

Серьезные отношения напрочь исчезли, а ведь самые серьезные отношения связывают учителя и ученика. Слова Иисуса не понять, если не осознаешь всего размаха отношений между учителем и учениками. От таких отношений давно отвыкли. Жену заменила подруга, мужа — приятель, а учителя и те отношения, что связывают их с учениками, полностью исчезли. Точнее говоря, их сменили совершенно другие отношения — отношения психиатра и больного.

Взаимоотношения между психиатром и пациентом поневоле нездоровые, патологические, ведь больной приходит не в поисках правды и даже не с надеждой на выздоровление... Понятие «выздоровление» очень важно: это целостность, это святость, это глубинное исцеление личности. Но пациент приходит не ради выздоровления, ведь тех, кто действительно хочет выздороветь, называют учениками, а не пациентами. Больной просто хочет *избавиться* от болезни — это путь отрицания. Он приходит лишь для того, чтобы его силой вернули к норме и он снова мог стать частью нормального мира. Он сломался, его нужно починить, и психиатр помогает ему заново приспособо-

биться. К чему приспособиться? К этому миру, этому обществу, которые сами безнадежно больны.

Те, кого принято называть «нормальными» людьми, — просто нормальные больные, нормальные психи. Это нормальное безумие. «Нормальные» тоже сумасшедшие, просто их безумие зажато в определенные рамки, втиснуто в установленные обществом и культурой границы. И больным считают того, кто их нарушает, пересекает общепринятую черту. Тогда все общество — а оно тоже больное, — начинает твердить, что этот человек болен. Но на границах стоят психиатры, они и помогают пациенту вернуться назад — назад, в безликую толпу.

Психиатру не стать учителем, поскольку он и сам не здоров. А пациенту не стать учеником, ведь он приходит не затем, чтобы учиться. Он встревожен, но не хочет тревожиться, и потому все его усилия направлены на починку, а не на выздоровление. Психиатру не стать учителем, но на Западе думают, что это почти одно и то же; скоро так начнут считать и на Востоке. Но психиатр — не учитель, ведь он сам болен. Он умеет чинить других, и это здорово. В самом деле, почему один больной не может помогать другим? Но больной не в силах исцелить другого больного; безумцу не сделать нормальным другого безумца.

Даже ваши фрейды, юнги и адлеры страшно больны — а это не заурядные психиатры. Даже самые великие психиатры больны и патологичны. Я кое-что расскажу, и вы сами убедитесь. Фрейд содрогался при любом упоминании о смерти. Пару раз он даже сознание терял и падал со стула — и все потому, что кто-то заговаривал о египетских мумиях. Он терял сознание! А в другой раз Юнг что-то там рассказывал о смерти и трупах, а Фрейд вдруг задрожал и упал без сознания. Если сам Фрейд так боялся смерти, то что говорить про его учеников? И вообще, зачем так бояться смерти? Вы можете себе представить, чтобы Будда боялся смерти? Нет, иначе он просто не будда.

Юнг сам рассказывал, что много раз собирался съездить в Рим, побывать в Ватикане и, главное, в великой Ватиканской библиотеке, где хранятся самые редкие и сокровенные записи обо всех на свете религиях. Но стоило Юнгу купить билет, как он тут же начинал дрожать — подумать только, поездка в Рим! Что уж говорить о тех, кто стоит на пороге *мокиши*?! Юнг сдавал билет в кассу и возвращался домой. Он так и не побывал в Риме. Много раз собирался, но потом передумывал: «Нет, не поеду».

Чего тут страшного? Подумаешь, Рим! Почему психиатр так боялся соприкоснуться с религией? Потому что Рим — это просто символ, олицетворение, а Юнг разработал в голове свою философию и боялся, что она развалится. Представьте верблюда, который боится подняться в Гималаи, ведь там он впервые поймет, какое он ничтожество. Вся философия Юнга была дет-

ским ребячеством. Люди создали бескрайние, космические системы мысли, но все они теперь лежат в руинах. Боязнь приехать в Рим — это страх увидеть развалины великих философий, придуманных в минувшем.

Что уж говорить о *ваших* крошечных философиях, об этих укромных уголках, где все прибрано и красиво? Как насчет ваших домашних философий?

Даже самые великие философии рассыпались в пыль. Поезжайте в Рим и сами посмотрите! Побывайте в Афинах, гляньте, что там теперь! Где они, прославленные школы Аристотеля, Платона и Сократа? Все пошло прахом. Рано или поздно даже величайшие философии становятся пылью. Любые гениальные идеи со временем становятся ненужными, ибо мысль бrenна, как и все прочее, что придумано человеком.

Божественное можно постичь только в «безмыслии». Мыслью вечное не охватить, ведь мысль относится к миру времени. Мысли не вечны; ни философия, ни система взглядов не может быть вечной. Вот почему становится страшно.

Юнг три-четыре раза заказывал билет, а потом сдавал его. А он, Юнг, был одним из самых знаменитых психиатров. Но если он сам так боялся поехать в Рим, то что чувствовали его ученики? Возможно, вы такого страха не испытываете, но это не потому, что вы чем-то лучше Юнга, просто вы еще меньше понимаете. Он-то понимал, что в Риме его философия рухнет — стоит ему со страхом и содроганием взглянуть на развалины великих философий, как тут же мелькнет мысль: «А что будет с моей философией? Что будет со мной самим?» И Юнг просто не решился. В очередной раз сдав билет, он написал в воспоминаниях: «Я окончательно отказался от своей идеи. В Рим я не поеду».

То же самое много раз случалось и с Фрейдом. Он тоже мечтал побывать в Риме — странное совпадение, правда? — и тоже чего-то боялся. Что ему мешало? Фрейд был такой же сердитый, как все, и такой же любитель секса. Он, как и все, боялся смерти, да и поступки его были не менее странными, чем у других, так в чем же разница? Он, возможно, был поумнее других. Быть может, он был настоящий гений, но в том, что касалось Великой Тайны, сокровенной и потаенной загадки бытия, он был таким же слепцом, как и все.

Нет, психиатрии никогда не стать религией. Самая лучшая больница никогда не превратится в храм — это просто невозможно. Психиатры, конечно, нужны, ведь люди и вправду больны, сломаны, но психиатр — это не учитель, а пациент — не ученик. Если приходишь к учителю как пациент, то обращаешься не по адресу, ведь учитель — не психиатр. И я тоже не психиатр.

Ко мне приходят и говорят: «Меня мучают душевные расстройства, невроты, то да сё», а я говорю: «Ну и ладно, мне до твоих расстройств дела нет. Я *тебя* буду лечить. Твои болячки меня не волнуют, меня *ты сам* волнуешь. Болезни где-то там, на окраине, а в центре, где ты, нет никаких болезней».

Стоит осознать, кто ты на самом деле, как все болезни исчезнут. Они и возникают прежде всего потому, что сам от себя прячешься, сам себя избегаешь, стараешься сам с собой не пересекаться и вообще не очень-то хочешь себя видеть. Но почему никто не хочет увидеть себя как есть? Что плохого может случиться? Если не готов к встрече с самим собой, то и учеником тебе не стать, ведь учитель не в силах помочь тому, кто сам себя боится. Учитель может только это: помочь тебе встретиться с тобой самим.

Почему же людям так страшно? Потому, что в прошлом что-то с ними было не так. Родается ребенок, но его не хотят видеть таким, какой он есть. В нем почти все меняют силой; это называется «воспитывать». Общество и родители не могут примириться со многими чертами его характера, и эти стороны души отрицают и подавляют. Остается совсем немного «правильного» и «хорошего», и ребенку приходится довольствоваться этим. Его вынуждают отказаться от множества граней собственной души — им просто не позволяют проявляться. И дети так старательно их сдерживают, что со временем вообще перестают замечать. Вот что такое подавление. На нем основано все наше общество.

Большую часть души ребенка подавляют, отбрасывают во тьму. Но подавленное рвется наружу, бунтует, возмущается. Оно хочет на свет, и потому его приходится заталкивать подальше снова и снова. Потому и страшно встречаться с самим собой: страшно подумать, какой она стала, эта подавленная частица души. Она-то на месте, никуда не делась. Что творится там, в подсознании? Если встретишь себя, увидишь и свое подсознание — все то, что так упорно отрицал. Вот откуда приходит страх.

Если ребенка не принимают таким, какой он есть, страх обязательно появится. Не было еще такого общества, где детям давали бы свободу. Похоже, такого общества никогда и не будет, ибо полная свобода невозможна. Итак, подавление в той или иной мере неизбежно — и все-таки каждый рано или поздно вынужден столкнуться с самим собой. Учеником ты становишься в тот самый миг, когда забываешь, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя. Учеником становишься лишь в тот день, когда готов без прикрас показать себе самого себя.

Учитель — это просто повитуха. Он помогает заново появиться на свет. Какие же отношения связывают его с учеником? Ученик должен доверять, он не вправе сомневаться. Любые сомнения мешают увидеть самого себя. Когда сомневаешься, ты словно становишься меньше; во всяком случае, не можешь стать больше. Когда сомневаешься... Вот он, незнакомец, — и ты затворяешь двери; кто его знает, что этот чужак задумал, чего от него ждать. Перед чужими нельзя откровенничать, наоборот, нужно быть настороже и быстренько надеть доспехи.

Рядом с учителем ты сбрасываешь доспехи, иначе ничего не выйдет. Мы не расстаемся с частью доспехов даже наедине с любимыми — с ними мы тоже не до конца откровенны. Но перед учителем нужно быть совершенно открытым, иначе ничего не получится. Стоит скрыть хоть какую-то часть себя — и нет уже никаких отношений. Нужно полное доверие, только так узнают тайны, только так получают ключи от дверей. Но если что-то скрываешь под доспехами, значит, сражаешься со своим учителем — а борьба с ним ничего не дает.

С учителем не нужно бороться, нужно сдаться на его милость. Но в нашем мире уже никто не умеет сдаваться без борьбы. Так уж получилось: людей три-четыре столетия учили беречь индивидуальность и быть эгоистичными. Людей учили не сдаваться, а биться до конца, не покоряться, а бунтовать, не доверять, а сомневаться. На то были свои причины, ведь наука идет вперед путем сомнений. Наука — это глубокий скептицизм. В ней ничего не принимают на веру, главное в ней — логика, доказательства, сомнения. Чем больше сомневаешься, тем научнее твой подход. Но наука и религия ведут в совершенно разные стороны.

Религия опирается на доверие: чем сильнее веришь, тем ты религиознее. Наука творит чудеса — чудеса вполне осязаемые. Религия сотворила еще больше чудес, но почти все они незримые. Что увидишь, глядя на будду? Что можно увидеть обычными глазами? Будда незрим, видно только его тело, и со стороны он выглядит таким же, как все, обычным смертным. Однажды он состарится и умрет, но это внешняя видимость, ибо незримо он бессмертен. Но мы не умеем видеть незримое и ощущать сокровенное, непостижимое. Только глаза веры способны постепенно, шаг за шагом, становиться все острее и различать главное. Доверять — все равно что вообще закрыть глаза. Потому и говорят, что вера слепа. Про любовь говорят то же самое, но вера видит еще меньше, чем любовь.

Но что будет, если закрыть глаза? Произойдет внутреннее преображение. Куда девается сила зрения, когда закрываешь глаза? Эта сила уходит внутрь. Теперь она не может переходить из глаз на внешние предметы, и потому обращается вспять, разворачивается. Энергия должна двигаться, она не может стоять на месте, и, если перекрыть ей один выход, она отыщет другой. Если закрыть глаза, то энергия зрения развернется — и станет другой. Она направится прямо в *третий глаз*. *Третий глаз* — это не материальный орган. Речь только о том, что энергия зрения, направленная обычно на внешние предметы, возвращается к своему источнику. Потому и говорят, что она становится *третьим глазом*, третьим органом зрения, который видит мир совсем иначе. Лишь он может разглядеть Будду. Иисуса постигают только *третьим глазом*.

Если нет *третьего глаза*, ты можешь сколько угодно рассматривать Иисуса снаружи, но все равно упустишь главное. Так было со многими.

В родном городе Иисуса все считали его просто сыном плотника Иосифа. Никто — ни один человек! — не заметил, как сын плотника стал вдруг Сыном Божьим. Это внутреннее преображение. И когда Иисус сказал: «Я — сын Божественного, и Отец мой на небесах», все засмеялись и ответили: «Ты либо безумец, либо дурень, либо большой хитрец. Разве сын плотника может стать сыном Бога?» Может, поверьте...

Тело рождает на свет только тело, а Сокровенное рождается не от тела, а от Святого Духа, от Божественного. Но для начала нужно иметь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Понять слова Иисуса очень трудно, без серьезной подготовки ничего не выйдет. Это все равно что классическая музыка. Когда впервые ее слышишь, думаешь: «Что за ерунда?» Она такая утонченная, что к ней приходится долго привыкать. Лишь после долгих, очень долгих занятий твои уши начинают улавливать тончайшие звуки — и тогда с классической музыкой уже ничто не сравнится. Тогда понимаешь, что обычные песенки, вроде тех, что поют в кино, — это вообще не музыка, просто глупый шум. Когда уши не умели еще слышать, ты считал, будто этот шум и есть музыка, но для того, чтобы разбираться в классике, нужен чуткий слух. Нужен опыт, и чем больше слушаешь, тем больше тонкостей замечаешь. Но даже классическая музыка — ничто по сравнению со словами Иисуса, ибо это музыка космическая. Нужно сидеть так тихо, чтобы в глубине души не возникало ни звука, ни единой мысли. Только тогда можно расслышать Иисуса, понять его, постичь его слова.

Иисус все время говорит: «Имеющие уши да услышат, имеющие глаза да увидят! Вот я, здесь!» Почему он так часто это повторяет? Зачем? Он говорит об особом понимании, на которое способны только настоящие ученики. Мало кто понимал Иисуса, но это вполне естественно, так и должно быть. Понимающих было совсем немного — и кем были эти люди? Это были не какие-то там образованные ученые, не университетские профессора, не пандиты и не мыслители, нет! Самые простые люди: рыбак, земледелец, башмачник, проститутка — самые обычные люди, самые заурядные из заурядных.

Почему же они его понимали? Выходит, в этих обычных людях было что-то необычное. У заурядных людей и вправду есть кое-что особенное, чего лишены так называемые «незаурядные» личности. Знаете, что это? Скромность и доверчивость.

Чем больше развиваешь ум, тем меньше доверия. Доверия тем больше, чем меньше упражняешь ум. Земледелец верит, у него нет причин сомневаться. Он бросает зерна в почву и верит, что они взойдут и в свой срок из земли

покажутся ростки. И ростки действительно появляются. Земледелец просто верит, молится — и в свой час зерна прорастают и становятся колосьями. Человек лишь верит и ждет. Он живет среди деревьев, трав, рек и гор. Тут нет причин для сомнений: деревья не хитрят, и от них не нужно отгораживаться доспехами. Холмы никогда не обманут, нет смысла их опасаться, — это ведь не политики, не преступники. Тут бояться нечего, тут можно быть открытым.

Именно поэтому среди холмов нас охватывает внезапное упоение. Откуда оно берется? Из самих холмов? Нет, из глубины души, потому что тут нечего бояться и можно сбросить доспехи. Подходишь к дереву — и понимаешь, что оно прекрасно, но это чувство исходит не от дерева, а изнутри. Рядом с деревом не нужно быть настороже, и ты чувствуешь себя уютно, как дома. Цветок не бросится на тебя исподтишка, а дерево ничего не украдет. Поэтому мы забываем о защите, когда гуляем среди холмов, или на берегу моря, или в лесу.

Тот, кто живет рядом с природой, всегда доверчивее. Там меньше заводов, меньше машин, меньше техники. Жизнь на природе приучает доверять другим. Трудно представить, чтобы Иисус родился в Нью-Йорке! Там могут появиться разве что чудачки, мнящие себя иисусами, но не сам Иисус. Кстати, эти чудачки — обычные психи; Иисус для них — просто оправдание. Нет, нельзя и помыслить, будто Иисус мог родиться в Нью-Йорке. Впрочем, родись он там, никто бы его не слушал. Приди он туда, никто бы его не узнал. Он родился в дотехнологический, донаучный век, он был сыном плотника. Всю жизнь он прожил среди бедных и простых людей, привыкших быть рядом с природой. И эти люди умели доверять.

Как-то Иисус пришел к озеру. Было раннее утро, солнце еще не показалось. И там были два рыбака. Только они забросили сеть, как вдруг появился Иисус и сказал: «Глядите-ка! Как проходит ваша жизнь? Я мог бы сделать вас ловцами человеков. Зачем тратить время на ловлю рыбы? Давайте ловить людей, раскидывать другие сети. Идите со мной!»

Если бы он заглянул с такими словами к вам в контору или городскую лавку, вы бы ответили просто: «Иди прочь! У меня нет времени, не отвлекай меня!» Но те два рыбака просто глядели на Иисуса и не сомневались, что он сказал правду. Поднималось солнце, и этот незнакомец, Иисус, был прекрасен. А глаза! Его глаза были глубже озера, и сиял он ярче восходящего солнца. Рыбаки бросили сеть и пошли за Иисусом.

Вот что такое доверие. Никаких вопросов: «А ты кто такой?» Они не знали, кто это, он был нездешний, они его прежде в глаза не видели и слухом о нем не слыхивали. Но сказанного хватило. Достаточно было позвать, предложить. Они услышали его слова, посмотрели на Иисуса, почувствовали его искренность — и пошли за ним.

Не успели они выйти из деревни, как прибежал какой-то человек и крикнул рыбакам: «Вы куда? Стойте! Ваш отец умер! Бегите домой!»

И рыбаки спросили Иисуса: «Можно сходить домой и похоронить отца? Потом мы вернемся».

А Иисус сказал: «Не тревожьтесь о мертвых. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Встаньте и идите за мной, а о мертвых не беспокойтесь». И рыбаки пошли с ним дальше. Это доверие: они слышали слова Иисуса, они видели его.

Он имел в виду вот что (и был совершенно прав): «Что можно поделать, раз ваш отец уже умер? Он умер, и это все. Спешить уже некуда. А в этой деревне полно мертвецов, и они похоронят вашего отца честь по чести, проведут все обряды и положат его в землю. Не волнуйтесь и идите за мной». Они пошли, и больше не заговаривали о возвращении, даже ни разу не оглянулись. Доверять — значит не оглядываться. Доверять — значит не возвращаться назад.

Сомневающийся всегда озирается назад, постоянно думает о том, как было бы лучше, *что* он сделал не так. Такой человек рассуждал бы, правильно ли он поступил и что делать дальше: вернуться или все-таки пойти за этим безумцем? Он называет себя сыном Бога, но кто его знает, кто он на самом деле? Никто ничего не знает ни о Боге, ни о его детях — а этот человек на вид точь-в-точь как все люди... Но рыбаки пошли за Иисусом.

Если пошел за таким, как Иисус, то рано или поздно станешь похожим на него, но сначала нужно решиться и пойти следом. Со временем почувствуешь, что он и вправду сын Божий — и это еще не все, ведь благодаря ему станет ясно, что ты тоже сын Бога. Но вначале нужно довериться. Если возникла хоть тень сомнения, двери останутся закрытыми.

Правильные отношения между учителем и учениками исчезли за три столетия научных достижений. Наука добилась таких успехов, что научилась творить чудеса — чудеса, впрочем, бессмысленные, ведь они ничуть не помогли людям стать счастливее. Чудеса лишены смысла, если не приносят счастья. Но наука, скорее, лишает радости. У нас все больше техники, больше удобств — а счастья меньше. Вот какие они, чудеса науки! Чем больше делают машины, тем меньше нужны сами люди. А чем меньше нужны люди, тем острее у них чувство тщетности, бесполезности, бессмысленности жизни. Рано или поздно компьютеры окончательно нас заменят — и мы вообще никому не понадобятся. Можно будет смело пойти и покончить с собой: компьютеры и без нас со всеми делами справятся.

Счастье — это когда ты нужен. Только тогда ты счастлив, ведь ты чувствуешь, что живешь не напрасно, в твоём существовании есть смысл. Ты знаешь, что нужен, и без тебя все будет иначе. Но в наше время есть ты или нет — это

ничего не меняет. Точнее говоря, без тебя, пожалуй, будет только лучше, поскольку машины со всем справляются намного быстрее. Ты — ненужная деталь, устаревшая модель. Человек сегодня — самая устаревшая штука на свете, ведь у всего остального каждый год появляется новая версия: очередная модель «Форда», улучшенный вариант каждой вещи. Только человек остается прежним. Это антиквариат среди кучи новинок.

В наши дни люди не могут избавиться от ощущения бессмысленности, ибо никому они не нужны. Даже своим детям ты не нужен, ведь о них может позаботиться государство и всякие социальные службы. Ты не нужен отцу и матери, у них и без тебя будет где жить — об этом, опять же, позаботится государство с его казенными домами. Кому ты нужен? И можно ли быть счастливым, если понимаешь, что никому не нужен и давно стал бесполезным грузом? Но раньше люди действительно были нужны.

Был такой еврейский мистик Гиллель, и был он, скорее всего, настоящим праведником. Но однажды Гиллель молился Богу и сказал: «Ты не думай, что это только Ты мне нужен. Я Тебе тоже нужен! Кем бы Ты был без меня? Кто молился бы Тебе, не будь Гиллеля? Кто искал бы Тебя в небе? Без меня Ты — никто, так что запомни: Ты нужен мне, это правда, но и я нужен Тебе».

Когда ты нужен всей Вселенной, даже самому Богу, твоя жизнь полна смысла, у нее есть значение, особая важность. Но сейчас ты не нужен никому. Исчезни ты — никто и не заметит. Ты — ничто. Техника создает все удобства и делает тебя лишним. Техника улучшила наши дома, но не смогла улучшить человека, поскольку человек живет в ином измерении и оно никак не связано с машинами. Это измерение сознательного, а не механистического.

Науке не под силу создать Будду или Иисуса. На что наука и вправду способна, так это создать общество, в котором Будда никогда не появится. Многие приходят ко мне и спрашивают, почему сейчас нет ни будд, ни *тирхханкар*, ни Иисусов. Да из-за вас самих! Это вы создали такое общество, где и обычным-то людям трудно жить, не говоря уже о просветленных! Даже если бы он и появился, его бы все равно не узнали! Дело не в том, что будды перестали появляться, просто сейчас их куда труднее узнать. Кто знает, может, вы каждый день проходите мимо будды по дороге на работу и не узнаете только потому, что давно ослепли?

Доверие исчезло. Запомните: Иисус жил в эпоху доверия, безграничного доверия. Его величие, все его значение для мира можно увидеть только через призму доверия. Давайте же перейдем к тому, что говорил сам Иисус.

Ученики сказали Иисусу:

Скажи нам, чему подобно царствие небесное.

Это не тот вопрос, какой задают из праздного любопытства. Ученики не собирались о чем-то спорить. Их вопрос был задан по простоте души. Иисус может ответить на вопрос, только если тот задан по простоте души. Знаете, как это определить? Вот вы спрашиваете: «Есть ли на свете Бог?» — а у самих уже наготове какой-то ответ. Вы и так уверены, что Он есть, а ко мне приходите только ради подтверждения. Или наоборот: знаете, что Его нет, а меня спрашиваете лишь для того, что понять, разбираюсь я в чем-то или нет. Если у вас уже готов ответ, то вопрос задан из лукавства, а не по простоте души. И на него Иисус не станет отвечать, ибо отвечает он только на настоящие вопросы.

Когда ученик задает вопрос, у него в голове нет никакого ответа. Он не знает ответа, просто не знает, потому и спрашивает. Запомните хорошенько: прежде чем спросить, подумайте, зачем задаете этот вопрос. Может быть, вы и так знаете ответ? Тогда нет смысла и спрашивать. Даже если я отвечу, вы все равно не поймете. Среди ваших познаний не найдется пустого места для моего ответа. Там ведь уже есть какой-то ответ. Вы составили мнение заранее, вы уже отравлены.

Есть два вида вопросов: одни задают, когда знают, и это бессмысленно, ведь такие вопросы ведут не к диалогу, а к спорам. Но когда спрашиваешь по незнанию, когда сам понимаешь, что не знаешь ответа, — знаешь, что не знаешь, и потому спрашиваешь, — вот тогда и становишься учеником. Никаких споров не будет. Когда хочешь пить, просишь воды; когда хочешь есть, просишь еды. Когда не знаешь, спрашиваешь — и готов взять что дадут. Настоящий ученик задает вопрос, зная, что не знает. Понимание собственного незнания — это скромность. Знание всегда делает эгоистичным, а с гордыней Иисус не разговаривает.

*Ученики сказали Иисусу: — и «ученики» означает здесь,
что они прекрасно сознают, что ничего не знают, —
Скажи нам, чему подобно царствие небесное.*

Иисус постоянно говорил о царстве небесном, и это само по себе причиняло много неприятностей. Проблема была уже на уровне слов, потому что «царство» — понятие политическое, и политики побаивались Иисуса. Его и распяли только поэтому. Они подумали: «Этот человек твердит что-то о царстве, которое будет скоро на земле, да еще и величает себя царем этого царства. Выходит, он призывает к бунту против нынешней власти. Он ведь какое-то другое царство обещает, так?»

Царь, наместник, чиновники, священники — все до смерти перепугались. А Иисус был человеком влиятельным, ведь его слушал простой народ. И не просто слушал — люди, послушав его, менялись, в них разгоралось пламя,

они совершенно другими становились, что-то новое появлялось в душе. И потому священники, наместник Понтий Пилат, царь Ирод и его правительство — все перепугались. Он казался слишком опасным. На свете не было еще такого мирного человека, а они его боялись! Они так и не поняли, кто он.

Таких, как Иисус, очень часто не понимали. Вся беда была в том, что ему ничего другого не оставалось, как пользоваться обычным языком — другого просто не было. Что бы он ни хотел сказать, говорить приходилось на обычном языке. Ничего другого не оставалось, а слова обычной речи слишком многозначны. Они и без того перегружены, у каждого слова тысячи значений. Иисус говорил только о царстве Божьем, о царстве небесном. Опасным оказалось само слово «царство» — от него слишком пахло политикой.

Иисус не был революционером в обычном смысле этого слова. Он и вправду был бунтарем и призывал к мятежу — но не в этом мире, а в мире души. Однако его слов не понимали даже ученики. Когда ты приходишь к учителю, встречаются два совершенно непохожих измерения. Это как соединение неба и земли — узенькая полоска горизонта. Если ты доверяешь учителю, то сможешь взмыть в небо; если доверия нет, то останешься на земле. Доверие помогает распахнуть крылья и взлететь, а без него от земли не оторвешься. Иисус всегда несет опасность. Что еще за царство небесное? Какое оно? Это царство — полная диаметрально противоположность царства земного. Иисус повторял это постоянно, но никто не мог понять. Он говорил: «В царстве Божьем нищие станут самыми богатыми, а последние будут первыми». Он говорил точь-в-точь, как Лао-цзы. Впрочем, они с Лао-цзы вообще похожи: «В моем царстве небесном последние будут первыми». Иисус говорил, что кроткие станут самыми значительными, беднейшие — самыми богатыми, и кого тут презирают, там станет уважаемым. В царстве Божьем все будет наоборот! И это правда.

Если стать у спокойной реки и глянуть в воду, отражение будет перевернутым. Отражение вообще всегда перевернуто. На самом-то деле, это в нашем мире все вверх тормашками, и, если хочешь привести его в порядок, нужно просто вывернуть все наизнанку. Но это выглядит так, будто все поставлено с ног на голову. Такое состояние хаоса необходимо.

Будда стал нищим — последним человеком на этой земле. Он родился царем, но царство Божье наследуют не первые, а последние. И он оставил свое земное царство, потому что тут, на земле, любые царства бесполезны, это просто лишняя ноша. Можешь таскать ее на плечах, но проку от этого не будет. Наоборот, она тебя погубит. Это не пища, а яд, пусть и такой медленный, что очень долго отравленным себя не чувствуешь.

Один человек сидел и пил горькую. Его приятель проходил мимо и сказал: «Ты что делаешь? Это ведь медленный яд!»

«А я и не тороплюсь», — ответил пьяница.

Сама жизнь — это медленный яд, ибо от нее рано или поздно умирают. Жизнь просто убивает нас, и ничего больше. Спешешь ты или нет — на силе отравы это не сказывается. Она все равно убивает: медленно, но верно. Царство земное — мир смерти, а царство небесное — мир вечной жизни. Потому Иисус и сказал: «Кто готов, пойдем со мной. Я подарю вам жизнь изобильную».

Иисус пришел как-то в одну деревню. Его мучила жажда, и он направился к колодцу. Женщина набирала там воду, и Иисус попросил: «Мне хочется пить. Дай мне глоток воды».

Она ответила: «Не могу. Это запрещено, потому что я из самой презираемой касты».

«Не волнуйся, — сказал Иисус. — Дай воды мне, а я взамен напою тебя — из своего колодца. Сделаешь из него один глоток, и тебя никогда больше не будет мучить жажда».

Ученики спрашивают: «Чему *подобно* царствие небесное?» Непознанное можно описывать только сравнениями. Так появилась мифология. Миф — это попытка описать то, о чем ничего не известно и что невозможно понять в обычном состоянии ума, сравнивая неведомое с чем-то хорошо известным. Стремление передать непознанное понятными словами — вот что такое миф. Он помогает хоть что-то понять.

О царстве небесном просто так не расскажешь. Нет подходящих слов. Точно не узнаешь, пока сам туда не попадешь. И любые слова будут неправильными. Истину вообще словами не выразишь. Чем же тогда годами занимались Иисус, Лао-цзы и Будда? Что они делали, если все равно не могли выразить истину словами? Они пытались объяснить необъяснимое с помощью понятных символов. Они старались выразить неведомое с помощью известного. Это самое трудное на свете — придумывать мифы, притчи, легенды.

Есть глупцы, которые пытаются анализировать мифы, препарировать их. А потом они говорят: «Да это миф, небылица». Анализируют, препарируют, режут мифы скальпелем — и говорят: «Это миф. Это не настоящая история». Но кто сказал, что миф — это история? К тому же мифы нельзя резать на части, миф — это просто символика. Представьте дорожный столб со стрелкой, а под ней надпись: «Дели». Эти люди рубят столб в щепки, распиливают

стрелку, смывают буквы, а потом говорят: «Ерунда тут написана. Мы не нашли никакого Дели!»

Мифы — это дорожные столбы со стрелками, обращенными в сторону неведомого. Миф — не сама цель, а только указатель направления. Вот в чем смысл вопроса учеников: «Скажи нам, чему подобно царствие небесное». Нет смысла спрашивать, *какое* оно, царство небесное. Почувствуйте разницу: спрашивать, *какое* оно на самом деле, было бы глупо. На такой вопрос невозможно ответить. Можно спросить лишь о том, на что оно *похоже*. Иными словами, вопрос звучит так: «Скажи нам что-то такое, что мы сможем понять. Покажи направление, чтобы мы могли хоть чуток представить себе непознанное».

Все равно что слепой спросил бы, на что похож свет. Глупо спрашивать, какой он, свет, если ты слеп. Сама постановка вопроса не позволяет на него ответить. Никто не в силах дать ответ на такой вопрос. Свет можно просто увидеть, но для этого нужны глаза. Другое дело — вопрос «На что похож свет?». Он означает: «Говори теми словами, какие в состоянии понять слепой».

Притчи и мифы — это истины, рассказанные языком слепых. Не нужно резать их на части, в отдельных фрагментах ничего нет. Это только подсказки. И подсказки очень точные, если доверяешь учителю.

В одном японском храме не было статуи Будды. Все входили и тут же спрашивали: «А где же статуя?» Но статуи не было, там стоял только постамент, а нем — палец, указывающий на небо. Это и был Будда. Священник так и говорил: «Вот он, Будда». Не знаю, понимал ли смысл сам священник, но все видели только палец, обращенный вверх. Вот что такое Будда: палец, указывающий на луну!..

Ученики спрашивают, на что похоже царство небесное: «Расскажи, расскажи нам притчу, простую сказку, понятную даже детям. Мы не знаем, мы никогда его не видели. Расскажи, чтобы мы хоть чуть-чуть могли себе представить». Иисус сказал им:

*Оно подобно зерну горчичному,
самому малому среди всех семян.
Когда же оно падает на возделанную землю,
оно дает большую ветвь
и становится укрытием для птиц небесных.*

Иисус часто говорил о горчичном зерне, и на то есть много причин. Прежде всего, горчичное зерно — самое крохотное. Бог невидим, он так мал, он меньше всего на свете, — как же рассказать об этой малости? Самое малень-

кое, что можно разглядеть, — это горчичное зерно. Все, что меньше его, нам неизвестно, потому что неразлично. Горчичное зерно — это предел видимого, мельчайшая на свете вещь, которую можно разглядеть глазами. Оно крошечное, и все же его еще видно. Если бы мы могли видеть лучше, то попали бы в тончайший мир бесконечно малых вещей. Горчичное зернышко отмечает границу малости.

Но горчичное зернышко — не только самая крохотная вещь, различимая зрением. Кроме того, у него есть удивительное свойство: вырастая, горчица становится самым большим деревом*. Вот он, парадокс: самое маленькое зернышко — и самое большое дерево! Бог неразлично мал, а Вселенную не охватить взором. Вселенная — это дерево, растение, а Бог — зерно. Бог не проявлен, а Вселенная проявлена.

Даже если разрежешь семя, дерева не найдешь, сколько ни ищи. Можно, конечно, сказать, что нет там никакого дерева, и только дураки думают, будто в маленьком семени прячется большущий ствол. Вот так и рассуждают ученые: назовешь цветок красивым, а они отнесут его в лабораторию, разрежут на куски и скажут, что не нашли никакой такой «красоты». Они будут макать цветок в реактивы, проводить анализы, брать пробы, рассуют кусочки цветка в кучу пробирочек с бирками — а потом скажут, что ни в одной пробирке «красоты» не обнаружено. Выйдут из лаборатории и скажут: «Тебе, небось, просто померещилось — нет там никакой красоты. Мы каждый лепесточек изучили, разобрали весь цветок на атомы и ничего особого не обнаружили».

Есть вещи, которые понятны только во всей полноте. Их нельзя делить на части. Они больше, чем сумма своих частей, вот в чем вся штука. Это главная беда искателей истины. Истина больше, чем простое соединение ее частей. Это не сумма, а нечто большее. Музыка — это не просто сумма отдельных нот и звуков, нет, она гораздо больше! Когда ноты сливаются друг с другом, возникает гармония — и этой гармонии не было ни в одной отдельной нотке. Я вот говорю с вами — можете раздробить эту беседу на отдельные слова и найти каждое из них в словаре, но меня вы в словаре не найдете! Возьмите вместо меня словарь и скажите: «Тут и так есть все его слова, зачем же его слушать?»

Марк Твен поддался однажды на долгие уговоры своего приятеля и пришел послушать его проповедь. Тот приятель был священником и знаменитым, очень красноречивым оратором, все его ужасно хвалили. Когда он говорил, в

* На самом деле горчица — это совсем небольшое, чаще однолетнее травянистое растение (25–100 см) с желтыми цветочками, из семейства крестоцветных. Семена ее действительно очень малы — 1000 семян весят около 4 г. Впрочем, какое все это имеет значение? — *Прим. ред.*

церкви собиралась целая толпа, а Марк Твен еще ни разу не приходил. Но приятель так его упрасивал, что в конце концов Марк Твен сказал: «Ладно, обещаю, что в это воскресенье приду».

К той проповеди священник готовился особенно тщательно. Он был очень рад, что придет Марк Твен, и вложил в речь всю душу. Марк Твен сидел в первом ряду, и священник прочитал лучшую в своей жизни проповедь. Он говорил от всего сердца. Речь и вправду получилась прекрасная — настоящая поэтическая симфония.

Но к концу проповеди священнику стало не по себе, потому что Марк Твен выглядел совершенно безучастным. На его лице ни разу не мелькнуло и тени одобрения. Собравшиеся то и дело аплодировали, все были в полном восторге, а Марк Твен сидел себе с каменным лицом, так что нельзя было понять, нравится ему или нет. Ему, похоже, вообще было все равно, а равнодушие часто убийственнее неприятия: даже если тебе что-то не нравится, это все-таки какая-то реакция. Это значит, что происходящее имеет для тебя какой-то смысл. Но если ты равнодушен, значит, не видишь смысла даже возражать, настолько все это тебя не трогает.

Когда проповедь закончилась, Марк Твен с приятелем вместе пошли к машине. Священник и слова не мог из себя выдавить и потому молчал. И только когда Марк Твен выходил из машины, его друг отважился спросить: «Кстати, как тебе моя проповедь?»

И Марк Твен сказал: «Знаешь, ничего нового. У меня дома тоже есть книга, откуда ты все это переписал. Меня не проведешь: твоя речь — чистый плагиат. Остальные, похоже, ничего не заподозрили, но я-то человек образованный и ученый. Между прочим, я в эту книгу буквально накануне вечером заглядывал».

Священник лишился дара речи: «Что за чушь? Я сам подготовил проповедь от начала до конца! Невероятно!»

«В этой книге есть вся твоя речь слово в слово. Завтра я передам ее с посылным». Наступило утро: от Марка Твена принесли толстенный словарь и записку: «Клянусь, ты найдешь тут каждое слово из своей вчерашней проповеди!»

Так мыслит ученый. Он мгновенно убивает любую поэзию. Он твердит, что речь — это просто набор слов. Между строками, между словами он ничего не замечает — а поэзия именно там. И красота, и восторг, и Бог, и все, что по-настоящему важно, кроется между мирами, между строчками.

Горчичное зернышко — самое маленькое, но в нем таится самое большое. Бог так мал, что его не разглядеть, он — мельчайшее, что есть он — горчичное зернышко, но Вселенную-то мы в состоянии увидеть! А раз есть Вселенная, то должно быть и семя. Разве дерево появится без семени? И не так уж важно, можно ли это семя увидеть. Разве Вселенная может не иметь первопричины, источника? Взгляните на Ганг — может появиться река без истока? А такая бескрайняя Вселенная — неужели у нее источника нет? Она не только бескрайняя, в ней царит гармония, всеобщая симфония, единый порядок. Это не хаос, а полный порядок: все тут на своем месте. И всякий, кто хоть что-то смыслит, скажет, что это лучший из миров и ничего лучше быть не может.

Должно быть зерно, но оно совсем крохотное, еще меньше горчичного. Горчичное зерно — это миф, подсказка. Вопрос задавали рыбаки и земледельцы, и такое иносказание — притча о горчичном зерне — было им понятным. Деление мифа на части ничего не даст. Анализируя религию, упускаешь главное; просто смотри, не выделяя частных, тогда и увидишь, а в отдельных частях не разглядишь ничего.

Доверие идет лишь одним путем: в самом зерне дерева не разглядишь, нужно пойти и посадить его в землю — вот что делает доверие. Кто доверяет, говорит: «Да, это зерно, и я верю, что оно может стать деревом. Я просто пойду и посажу его. Найду подходящее место и буду ухаживать за ростком. Буду ждать, молиться, любить, надеяться и мечтать...»

А что еще остается? Только посадить зерно — и ждать, мечтать, надеяться, молиться. Что еще с ним делать? И тогда в один прекрасный день, утром, ты проснешься — а зерно уже стало чем-то другим, из земли показался росток. Это уже не зерно, а молодое дерево.

Что происходит, когда зерно становится деревом? Это ведь тоже часть притчи. Зерно погибает — только так оно может стать чем-то большим. Бог погиб в этой Вселенной; он просто не мог оставаться прежним, он превратился в нее, слился с ней. Вот почему мы не видим Бога. Ищите хоть в Гималаях, хоть в Мекке или Каши, где угодно, — его нет нигде, потому что он здесь, повсюду, как зерно в огромном дереве. Зерна уже не найти, оно погибло, слилось с деревом и превратилось в него. Бог растворился в этой Вселенной, во всем, что есть — он сам стал Космосом.

Он уже не что-то отдельное. Это не плотник, который сделал вещь, а сам остался плотником. Все иначе. Бог — как зерно: когда появляется дерево, зерно исчезает. И Бога можно снова найти, только если умрет его «дерево».

Индийцы говорят, что Бог есть лишь в начале и конце сотворения. В начале, когда мира еще нет, есть только зерно — беда только, что некому его увидеть, ибо мы — тоже часть дерева, его листья. А потом весь мир исчезает

и наступает *пралайя*, дерево стареет и гибнет. На это обречено любое дерево — но, прежде чем высохнуть, оно дает новые зерна, миллионы семян.

В *пралайе* снова появляются миллионы богов — только нас уже нет, вот в чем все дело. Есть только один способ найти Бога: увидеть его здесь и сейчас, в каждом листочке. Не нужно искать конкретный образ, Кришну или Раму. Так никого не увидишь. Они тоже всего лишь отдельные листья — конечно, самые прекрасные, самые живые и зеленые, ведь они постигли Бога и знают, что он повсюду.

В словах Иисуса «Царство Божье подобно зерну горчичному» миллионы тонкостей. В этом и кроется чудо притчи: казалось бы, всего пара слов, почти ничего не сказано — а столько смысла! Когда гибнет зерно, появляется Вселенная; когда гибнет зерно, остается дерево. Это и есть царство Божье. Оно прямо здесь. Не тратьте понапрасну силы, не ищите его где-то еще. Если хочешь заглянуть в царство Божье, тебе тоже придется стать похожим на зерно и погибнуть — и тогда вдруг появится дерево. Тебя уже нет, есть Бог. Тебе Бога никогда не увидеть. Бог появляется, только когда тебя уже нет, и потому встретиться с ним невозможно.

Когда нет *тебя*, есть Бог; когда рука пуста, она наполняется Богом. Бог тут, когда тебя уже нет. Это еще один парадокс: зерно вмещает целое дерево, но то же зерно может его и убить. Зерно может слишком возгордиться и подумать: «Достаточно и меня». Если зерно боится умереть, его оболочка становится тюрьмой. Та скорлупа, что нужна, чтобы дерево уцелело и попало в хорошую почву, превращается в темницу — и тогда дерево гибнет еще в зародыше.

Вы похожи на зерна, которые стали тюрьмой. Будда и Иисус — это зерна, не превратившиеся в тюрьму: сами зерна погибли, оболочка раскрылась, но из нее показался росток.

*Он сказал им: Оно подобно зерну горчичному,
самому малому среди всех семян.*

*Когда же оно падает на возделанную землю,
оно дает большую ветвь
и становится укрытием для птиц небесных.*

...Когда же оно падает на возделанную землю... Нужна хорошая почва. Зерну нужно не просто погибнуть. Если оно умрет на камнях, дерево не вырастет, это будет глупая смерть. Нужно найти хорошее место и добрую почву — вот в чем смысл ученичества. Это подготовка. Ученик учится делать себя возделанной, плодородной землей. Зерно уже есть, осталось возделывать почву. Дерево уже там, внутри, и учитель просто помогает найти подходящее место. Он

умеет возделывать землю, умеет пропалывать сорняки, умеет делать землю плодородной. Он садовник, он просто удобряет почву.

У вас уже все есть, нужен лишь садовник, иначе вы по-прежнему будете разбрасывать зерна куда попало. Они упадут на асфальт и умрут; они упадут на тропинку, и их растопчут прохожие. Нужен тот, кто позаботится о тебе, когда ты гибнешь. Смотрите: когда дитя рождается, нужна повивальная бабка. И никто не считает, что лучше обойтись без нее... Повитуха нужна, потому что всякое может случиться. А миг, когда рождается истина, еще важнее, ведь на свет появляется Бог. Это величайшие роды на свете!

Учитель — просто повитуха. Без учителя может произойти все что угодно: выкидыш или удушье. Учитель оберегает, ведь росток вначале нежен и беспомощен, с ним всякое может случиться. Появление на свет — дело опасное. Но если ты доверяешь — а доверие необходимо, другого выхода нет, иначе ты просто замкнешься в своей скорлупе и зерно никогда не умрет... Но если доверяешь, оно погибнет. Зерну никогда не увидеть дерева, вот в чем штука. А зерно хочет точно знать: «Когда я умру, я стану деревом». Но как убедить в этом зерно?

В вере есть какая-то бессмысленность. Вера нелепа! Ты просто хочешь гарантий: «Я могу стать санньясином, могу от всего отказаться, я готов даже умереть, но кто мне твердо пообещает, что после гибели зерна оно станет деревом?» Кто может это обещать и как можно в этом убедить? Пусть даже кто-то пообещает, но зерно, которому такое обещание дадут, все равно не в состоянии его проверить. Да и какие обещания убедят зерно в том, что после его смерти появится дерево? Их и придумать-то нельзя.

Вот почему вера нелепа. Верить в то, что невозможно проверить, — это и есть смысл веры. Ты веришь в то, чего не проверишь. Доказать невозможно, но ты все равно веришь. Зерно просто гибнет с глубокой верой в то, что станет деревом. Но нужна «возделанная почва», подходящее место. Смысл ученичества в том, чтобы стать плодородной землей.

Когда твое дерево вырастает, когда оно становится *деревом бодхи*, к нему слетаются миллионы птиц, которым нужен кров. Под сенью Иисуса и Будды находят укрытие тысячи «птиц небесных». Для тех, кто ищет глубочайшее, это дерево — дерево Будды, дерево Иисуса — становится укрытием, где можно ощутить прежде неведомый трепет. Дереву можно доверять, под ним можно постичь непознанное, оттуда можно сделать прыжок.

Царствие небесное подобно зерну горчичному...

Вы — царство небесное, вы подобны горчичному зерну! Не бойтесь погибнуть, готовьтесь к смерти! Конечно, будет страшновато, появится дрожь и нерешительность. Этот прыжок труден. Вы не раз передумаете, не раз оста-

новитесь на самом краю, развернетесь и убежите, ведь впереди — бездна. Зерно способно увидеть лишь бездну, но не будущее дерево. Зерно никогда не увидит, как появляется первый росток, это просто невозможно. Зерну предстоит умереть, доверившись неизвестности, — и тогда это случится.

Это обязательно произойдет, если ты готов умереть. Пойди и брось в землю зерна, а когда пробьются ростки, раскопай почву и посмотри, куда делись семена. Их нет, они исчезли. Пойди и раскопай Будду или Иисуса — там нет человека, нет зерна. Вот почему Иисус перестал быть сыном плотника Иосифа и превратился в Сына Божьего — исчезло то зерно, которое родилось у Иосифа и Марии. Исчезло зерно, распалась оболочка. Дерево никогда не появится из видимого глазу, оно вырастает только из незримого.

Взгляните на Иисуса: нет больше зерна, есть только Бог. Не бойтесь умереть, чтобы родиться заново. Забудьте о теле, разуме, эго и личности, и тогда вы вдруг почувствуете, как внутри растет что-то новое — вы стали чревом, вы готовитесь к родам. Духовная беременность — вот высочайшее достижение, потому что так производят на свет самого себя. Ничто с этим не сравнится. Можно написать прекрасную картину, можно вылепить чудесную скульптуру, но ничто не сравнится с самотворчеством, самосотворением.

...Когда же оно падает на возделанную землю...

Не бойтесь умереть! Но, прежде чем изготавиться к прыжку, станьте «возделанной землей» — по-настоящему скромным учеником; станьте им так, словно вас уже не стало. Скоро вас и вправду не будет — но к этому нужно готовиться и вести себя так, будто тебя и сейчас уже нет. И тогда

*...Оно дает большую ветвь
и становится укрытием для птиц небесных.*

Так было всегда. Вы тут, рядом со мной; мое зерно давно мертво — и потому вы рядом. Вы тут не из-за себя, а из-за *меня*. Но говорить «из-за *меня*» неправильно, потому что нет тут никакого *меня*. Зерно исчезло, есть только дерево. И если, глядя на *меня*, вы поймаете хоть проблеск того, что может случиться с вами, моя работа выполнена.

Царствие небесное подобно зерну горчичному...

Вы — зерна, вы — это грядущее царство. Готовьтесь умереть, ведь только так можно родиться заново.

На сегодня достаточно.

Иисус сказал:

*Когда вы рождаете это в себе,
то, что вы имеете, спасет вас.*

*Если вы не имеете этого в себе,
то, чего вы не имеете в себе,
умертвит вас.*

Иисус сказал:

*Пусть тот, кто ищет,
не перестает искать до тех пор,
пока не найдет,
и, когда он найдет,
он будет потрясен,
и, если он потрясен,
он будет удивлен,
и он будет царствовать над всем.*

И он сказал:

*Тот, кто обретает истолкование этих слов,
не вкусит смерти.*

Любые поиски — это поиски себя. К чему бы ни стремился, в глубине души ищешь только себя. Вот почему поиски снаружи всегда тщетны. Даже о богатстве мечтают, чтобы найти себя. А когда деньги появляются, понимаешь, что все было зря: богатство есть, а себя в нем не найдешь. Дело в том, что не деньги тебе были нужны, ты просто выбрал неверную цель, и теперь, наоборот, оказался еще дальше от самого себя.

Зачем людям богатство? Чтобы жить полнее, чтобы жизнь стала богаче, изобильнее. Разум поучает: «Ну какая жизнь может быть без денег!» Он твердит: «Без достатка светлого будущего не видать». Он спрашивает: «Как уберечь себя от гибели, если нет денег?» Богатство — это защита от смерти, а человек ищет жизни. Но потом, когда деньги появляются, понимаешь вдруг, что богатство ни от чего не уберезет. А если оно не может спасти от смерти, то разве сделает жизнь полнее? Нет, не там ты ищешь...

А другой стремится к власти и общественному положению. Что ему надо на самом деле? Всемогушества — такой силы, чтобы смогла одолеть даже смерть. Эта мечта в глубине души, человек сам ее не создает. И, добиваясь власти, он понимает, что на деле остался нищим.

Отсюда и парадокс: любой успех в жизни в конечном счете становится провалом. Я не устаю повторять это: нет неудачи крупнее, чем успех. Пока ничего не выходит, ты еще можешь питать несбыточные мечты. Ты еще можешь надеяться, что добьешься успеха в будущем. А когда побеждаешь, никаких надежд уже не остается. Успех — а в душе все та же опустошенность, только чувствуешь ее еще острее: вокруг полное изобилие, а внутри — нищета. Вокруг светло, а в душе мрак. Вокруг кипит жизнь, а внутри тебя — смерть. Вот почему религия занимает особо важное место именно в богатом и сильном обществе.

В нишей стране религия не может иметь большого значения — не все еще люди потерпели крах. Для них погоня за успехом еще что-то значит, им есть что искать вовне. Они уверены, что счастье придет, когда появится новый дом или куча денег. Бедняк, в отличие от богача, может еще жить надеждами. А если надежды есть у богача, то он все еще беден, еще не добился успеха.

Будда оставил свой дворец, Махавира отказался от царства. Они добились успеха, и этот успех стал для них провалом. Они постигли, что искали совсем не там, нужно идти совсем в другую сторону. И они развернулись: из царей стали нищими. Первый ходил в лохмотьях, а у второго даже одежды не было.

Так и приходит понимание: успех становится неудачей, а крах вызывает перемену во взглядах.

Почему же успех означает провал? Да на самом деле человеку нужны не деньги и не власть, не недостаток и надежное будущее, не новый дом и не что-то еще. Ему нужна вечная родина, откуда не захочешь уходить. Ему нужен вечный покой, ненарушаемые мир и безмятежность. Вот чего он ищет — родной дом. Это не здание, а то состояние души, когда чувствуешь себя как дома. И не деньги человеку нужны, а защита от смерти. Он стремится к такой жизни, которая даже смерти неподвластна.

Эта жизнь рано или поздно оборвется. Каждый миг нас терзает страх: как можно жить спокойно, если живешь на дымящемся вулкане? В любую минуту он может начать извергаться, уже через мгновение тебя, быть может, не станет. Даже если сотню лет прожил — но как протянуть еще?

Ученые задумались над этим совсем недавно, ведь теперь перед нами открылась возможность продлевать человеческую жизнь до бесконечности. Только в нашем веке люди научились менять сведения в хромосомах на клеточном уровне. А раз так, то можно вставить в клетку новую программу: срок жизни тела должен составлять триста лет. Сейчас каждый живет около семи-десяти, потому что родители оставляют в наших клетках старую, естественную программу. Клетка знает, что человек живет семьдесят лет. Но, если изменить это число на клеточном уровне, человек будет жить, сколько захочет. Это заветная мечта людей: одолеть смерть и жить как угодно долго.

Ученые сделали это открытие лишь несколько лет назад. Бессмертие стало возможным, но появилась другая проблема. Ученые полагали, что такое достижение всех осчастливит и люди перестанут бояться смерти. Но не тут-то было! Хорошенько все обдумав, ученые поняли: сейчас, когда человек живет семьдесят лет, он всего семьдесят лет мучится от страха. Если же дать ему триста лет, страх растянется на весь этот срок. Страх только усилится! Как он может исчезнуть? Пусть даже ты знаешь, что проживешь триста лет — но и эти годы проведешь на том же вулкане. Страх перед смертью не может исчезнуть.

Человек ищет жизни без угрозы смерти. А такая жизнь внутри каждого — это ты сам, который внутри тебя. Вот почему себя не пощупаешь: руку в душу не сунешь, руки направлены наружу, они предназначены для внешнего мира. Ногу в себя не погрузить, да и не нужно это, там ведь нет пространства, где можно ходить. Глаза внутрь не заглядывают, это тоже не нужно. Тело придумано только для того, чтобы жить во внешнем мире, среди вещей и других людей.

А внутри нам не нужно ничего. Там и так все безупречно. Там ничего не нужно улучшать, все так, как и должно быть.